

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1.374

О.И. Блинова

МОТИВАЦИОННАЯ ТРИАДА КАК КОМПЛЕКСНАЯ КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА МЕТАЯЗЫКА И ТЕКСТА

В статье впервые рассматривается комплексная категориальная единица мотивологии, объединяющая в единое целое три её термина-понятия: мотивированность слова, мотивационно связанные слова и внутреннюю форму слова, которые исследовались как самостоятельные компоненты мотивологической терминосистемы, в то время как они взаимосвязаны. Первая часть статьи посвящена представлению каждого из составляющих мотивационной триады, которые характеризуются в двух аспектах: онтологическом и функциональном, вторая часть – структуре мотивационной триады и взаимосвязи её компонентов.

Ключевые слова: мотивированность, мотивационно связанные слова, внутренняя форма слова, мотивационная триада, значимые сегменты звуковой оболочки слова.

Мотивология как один из разделов лексикологии (в широком смысле этого слова) изучает явление мотивации слов в различных аспектах: методологическом, онтологическом, динамическом, сопоставительном, лексикографическом и др. [1]. Известно, что одним из показателей науки является возникновение новых терминов, отражающих те или иные новые явления, стороны, связи и т.д. уже существующих терминов-понятий. К рассмотрению такого термина – мотивационная триада – и приглашаются читатели настоящей статьи.

Мотивационная триада включает три ведущих, ключевых термина мотивологии: мотивированность слова, мотивационно связанные слова (МСС) и внутреннюю форму слова (ВФС), каждый из которых получил достаточно полную интерпретацию в мотивологии. Именно это позволило обнаружить органичную, неразрывную связь и обусловленность вышеназванных терминов, предоставив возможность объединить их в единое категориальное терминологическое обозначение.

Но прежде обратимся к каждому составляющему мотивационной триады.

1. Мотивированность слова. В мотивологии под мотивированностью слова понимается структурно-семантическое свойство слова, позволяющего осознать взаимообусловленность его значения (семемы) и звучания (лексема) на основе соотносительности с языковой или неязыковой действительностью. Так, мотивированность слова *осинник* осознаётся за счет его соотносительности с другими словами языка, представляющими роль его мотиваторов – лексических (РЯБина) и структурных (ельНИК, березНИК, кедровНИК). Нередко факт осознания мотивированности лексических единиц носителем языка отражают метатексты. Некоторые примеры: *Ходила [за грибами], вот у меня сейчас мать-и-мачеха, подорожник лежит, потом тысячелистник, белый он, знаете же, он тыщу болезней сымает, кипятком зальёшь,*

постоит, пей от всех болезней. // Тысячелистник вон там травка растёт. Её ещё ранник зовут и порезная трава. На раны накладывают. // Он [указывает] называется парильник и ранник эта трава-то. Он ранний. Весной-то выходит – ранник называется [2. Т. 2. С. 156–157]. Карька – чёрный, карий конь. Сивка – сивый, такой как вроде серый. Чалка – так вроде и не рыжий сرزова какой-то. Рыжка – рыжий конь [3. Т. 1. С. 198]. // Есть крестовки таки. Лисы, у ей поло-са проходит по бугру, типа креста. Сама ценна чернубурка, красива така шкурка у неё. Были лисы серебрянки, таки серебристы [Т. 2. С. 166].

В иерархии свойств слова мотивированность занимает ведущее место, определяя зависимость от неё таких свойств лексических единиц, как изоморфность, идиоматичность, метафоричность, образность, интенсивность, экспрессивность, оценочность, синонимичность, антонимичность (подробно см.: [1. С. 34–40]).

С мотивированностью связаны все виды лингвокультурологических характеристик метафорических единиц: олицетворение, антропоморфизм, артефактоморфизм, зооморфизм, фитоморфизм, фонорморфизм, натуроморфизм мифоморфизм, локоморфизм [4. С. 12–14].

Разнообразны типы мотивированности слова, которые выделяются в зависимости:

- от способа мотивировки: языкового (относительная мотивированность) или неязыкового (абсолютная мотивированность);
- средства мотивировки (фонетическая, или звуковая: шум, гул, бом; морфологическая: *подосиновик, земляной, красить*; семантическая: *лиса* ‘мех лисы’; морфо-семантическая: *горюцвет, горюхостка, толтосум*);
- признака мотивировки (лексическая: *СНЕГирь, КОРОлева*, структурная: *бруснИКА, керосИН, тумАН*);
- степени мотивировки (полная: *МОР/ЯК, РЫЖ/ИК*, частичная: *СТЕКЛярус*).

2. Мотивированность как свойство слова обладает такими особыми средствами выражения, как **мотивационно связанные слова** и **внутренняя форма слова**.

Реализация МСС осуществляется в безграничном множестве текстов в рамках всех существующих форм языка и их стилевых разновидностей [1. С. 57–71; 120–148]: в литературном языке, городском просторечии, местных диалектах и т.д., в коммуникативной сфере языка, экспрессивной, эстетической, в художественной прозе и поэзии. Несколько примеров: *Зимники* – это проезжая дорога зимой, а летом на ней не проедешь, надо водой ехать, летней дорогой – это летник (Среднее Приобье). *Буря мглой небо кроет*, / *Вихри снежные крутя*; / *То, как зверь она завоет*, / *То заплачет*, как дитя, / *То по кровле обветшалой / Вдруг соломой зашумит*, / *То, как путник запозда-лей*, / *К нам в окошко застучит* (А. Пушкин. «Зимний вечер»).

Мотивационно связанные слова выполняют в текстах большое количество функций. В коммуникативной сфере языка насчитывается 16 функций (текстообразующая, системообразующая, метаязыковая, характеризующая, апеллятивная, ритмизация текста и др. [1. С. 147]), в эстетической сфере языка – 6 функций (создания образности текста, звуковых и зримых образов, вы-

ражения ключевых слов, стержневых средств поэтического текста [1. С. 148]. К ним примыкают стилистические приёмы:

- оживления внутренней формы слова (*Вот знойный горит горюцвет, / Осоки блистанье стальное <...> Окуджава*);
- плеоназма (*Еле солнечное солнце / Сновидением во сне / Входит в сумеречный сумрак, / Тонет в белой белизне. С. Кирсанов*);
- тавтологии (*Но хоть криком кричи, / Но хоть рыком рычи. / В моём теле ворочаются мечи. Е. Евтушенко*);
- градации (*Подует ветер! / Сосен тёмный ряд / Вдруг зашумит, / Застонет, занеможет. Н. Рубцов*);
- оксюморона (*И сам он, римский иерарх, в своей / непогрешимости греховной*. Ф. Тютчев);
- антитезы (*Надеждой не делись, / Оставь без лишней ноши, / Хорошей не кажись, / Останься нехорошей*. В. Фёдоров);
- обрамления, или кольца (*В винном облаке луна. – Кто здесь? / Будь товарищем, красotka, пей! / А по городу весёлый слух: / Где-то двое потонули в вине*. М. Цветаева);
- анафоры (*Зашумит ли клеверное поле, / Заскрипят ли сосны на ветру, / Я замру, прислушаюсь и вспомню, / Что и я когда-нибудь умру. Е. Евтушенко*);
- аллитерации (*Ревёт ли зверь в лесу глухом, / Трубит ли рог, гремит ли гром, / <...> На всякий звук / свой отклик в воздухе пустом / Родишь ты вдруг. А. Пушкин*);
- ассонанса (*Я вольный ветер, я вечно вею, / Волную волны. Ласкаю ивы. / В ветвях вздыхаю, вздохнув, немею, / Лелею травы, лелею нивы. К. Бальмонт*) и др.

Кроме известных стилистических фигур, приведённых выше, мотивационно связанные слова участвуют в реализации специфических мотивационных фигур речи. В их числе приемы:

- перевёрнутой мотивации, состоящий в инверсионном употреблении мотивированного и мотивируемого слова, что и создаёт новый образ, эстетический эффект (*Семь холмов, как семь колоколов. / На семи колоколах – колокольни*. М. Цветаева);
- объединения мотивационных пар и цепочек, что образует одно словосочетание, синтезирующее целостное образное понятие. Продолжив выше процитированный отрезок стихотворения М. Цветаевой, получим: *На семи колоколах – колокольни. / Всех счётом – сорок сороков. / Колокольное семихолмье!* – яркий, красочный образ Москвы златоглавой;
- наделения слова внутренней формой (*Только вдумайся, вслушайся в имя Россия! / В нём и росы, и синь, / И сиянье, и сила... Ю. Друнина*). Посредством этого приёма в процитированном стихотворении создаётся многогранный лирический образ Родины, наделённый утренними сверкающими росами (РОссия – росы), синевой неба и синью озёр (РосСИя – синь), сиянием мерцающих звёзд (РосСИЯ – сиянье), и силой (РосСИя – сила).

Мотивационно связанные слова представляют весь каркас словарного состава языка, оставляя за его пределами 1,5 % немотивированных слов, не охваченных мотивационной связью. Эти слова, как правило, иноязычного происхождения.

Мотивационно связанные слова, которые в русском литературном языке составляют две трети его лексикона, в ряду других видов системных отношений языка – синонимических, антонимических, вариантных – также занимают ведущее место в силу значительно превосходящего числа мотивированных единиц по сравнению с вышеназванными. В процентном отношении это выглядит следующим образом: в отношении мотивации вступают 98 % лексических единиц, синонимии – 27 %, формального варьирования – 24 %, антонимии – 5 %, омонимии – 2,5 %, паронимии – 2,5 %. Подсчеты произведены на материале русского литературного языка по данным словарных источников.

Таким образом, с учетом количественных данных и полифункциональности мотивационно связанных слов явление мотивации представляет ведущее лексическое явление русского языка.

3. Другое средство выражения мотивированности – внутренняя форма слова – нуждается в дополнительном пояснении, поскольку в отечественном, как и в зарубежном, языкознании это понятие имеет разные трактовки. Автор настоящей статьи, вслед за А.А. Потебнёй [5, 6, 7] и В.В. Виноградовым [8], предложившими концепцию ВФС с её синхронным подходом, семасиологическим аспектом анализа, с обусловленностью ВФС мотивированностью лексической единицы, начиная с первых работ [9. С. 3–17] и кончая последними [10. С. 136–140], предложил следующее определение ВФС: морфо-семантическая структура слова, выражающая взаимообусловленность его звучания и значения.

В разделе коллективной монографии [10. С. 6–14], где представлен комплексный подход к анализу сложной структуры ВФС, с её двойственным материально-идеальным двуединством, мотивационной формой и мотивационным значением, введён один из компонентов ВФС, обозначенный как значимый сегмент (ЗС), формирующий как мотивационную форму, так и мотивационное значение ВФС, который достоин более полной функциональной характеристики в онтологическом аспекте. Роль ЗС раскрывается при рассмотрении ВФС в лингвокультурологическом аспекте.

Важно и уместно обратить внимание на полифункциональность ВФС, которая не только служит средством выражения мотивированности, но и участвует в сфере языка как самостоятельный феномен, являясь одним из существенных компонентов речевой культуры и языковой картины мира. Последней посвящено много публикаций, поэтому в данной статье обращается внимание на ВФС как лингвокультурологическое звено речевой направленности.

Как известно, в мотивологии существует типология мотивированности. Тот или иной тип мотивированности, выделяемый на основе определенного критерия, получает ту или иную характеристику – тип абсолютной или относительной мотивированности.

Как отмечалось ранее, в зависимости от различных признаков мотивировки – способа, средства, вида, степени мотивированности – выделяются такие типы, как морфологический, семантический, морфо-семантический и лексический. Именно эти типы мотивированности выражаются за счёт значимых сегментов, формирующих мотивационную форму и мотивационное значение ВФС, выполняя тем самым онтологическую функцию.

За счёт значимых сегментов выделяются типы ВФС: метафорическая (мотивационная форма (МФ): вдов/ушка; мотивационное значение (МЗ): 'птица <с черным оперением, как> вдова'), неметафорическая (МФ: верти/шей/ка; МЗ: 'птица, <которая> вертит шейей'), лексикализованная (МФ: василёк; МЗ: 'как-то связано с Василием'), нелексикализованная (МФ: ГАЛ/КА; МЗ: 'птица, <которая> галдит'), полная (МФ: бел/ка; МЗ: 'зверёк <с> белым <брюшком>'), неполная (МФ: КОРОЛ/ева; МЗ: <супруга> короля).

Значимые сегменты в составе мотивационной формы и мотивационного значения ВФС служат средством выражения лингвокультурологических классов лексических единиц:

– олицетворения: *королёк* 'лесная птица отряда воробьиных с яркой окраской темен'. МФ: КОРОЛ/ЁК. МЗ: 'птица <с ярким, как облачение> короля <оперением>';

– антропоморфизма: *пересмешка* 'певчая птица, отличающаяся способностью подражать крику различных животных'. МФ: пересмеш/ка. МЗ: 'птица, <голос которой похож на> смех <человека>;

– мифоморфизма: *чертополох* 'сорное колючее растение семейства сложноцветных'. МФ: ЧЕРТополОХ. МЗ: 'чёртов цветок';

– фитоморфизма: *дубонос* 'певчая птичка семейства вьюрковых с массивным клювом'. МФ: ДУБОНОС. МЗ: '<птица с твёрдым как> дуб носом';

– натуроморфизма: *солнцецвет* 'травянистое растение, с ветвистыми листьями и ярко-жёлтыми цветками'. МФ: солнце/цвет. МЗ: '<растение с жёлтыми, как> солнце <цветками>;

– фонорморфизма: *кукушка* 'лесная птица, не вьющая своего гнезда'. МФ: КУКУ/шка. МЗ: 'птица, <голос которой звучит как> ку-ку';

– артефактоморфизма: *сабельник* 'травянистое растение с перистыми листьями и белыми цветками'. МФ: САБЕЛЬ/НИК. МЗ: '<растение, листья которого напоминают> саблю';

– зооморфизма: *воронец* 'ядовитое травянистое растение с красными или чёрными ягодами'. МФ: ВОРОН/ЕЦ. МЗ: 'растение <с черными, как> ворон <ягодами>;

– локоморфизма: *дубровник* 'птица, обитающая в дубравах, поймах рек, зарослях кустарников'. МФ: дубров/НИК. МЗ: 'птица, <населяющая> дубравы'.

Значимые сегменты ВФС активно проявляют себя при реализации ею различных функций: коммуникативной (связующей, структурирующей в её составе), системообразующей, мотивирующей, конативной; экспрессивно-эстетической (при выражении образных единиц, интенсивов, фигур речи, квазиремотивации, создании комического эффекта [1. С. 108–116; 4; 12. С. 125–132; 13. С. 13–17; 16. С. 170–177]; регулирующей и дифференцирующей [1. С. 94–95; 100–103; 14. С. 10–20]; гносеологической и типологизирующей [1. С. 116–120; 15. С. 30–33; 17. С. 45–49].

Вышепредставленные составляющие мотивационной триады, рассмотренные в онтологическом и функциональном аспектах, сами по себе обладают многими характеристиками, свидетельствующими об их развитости. И тем не менее они взаимосвязаны, иерархически организованы, взаимообусловлены.

Структура мотивационной триады состоит из трёх звеньев: первое звено, главный и независимый член триады – мотивированность слова. Два других звена – мотивационно связанные слова и внутренняя форма слова – зависимые члены триады, выполняющие роль средства выражения мотивированности слова. В этом их главное предназначение.

Мотивационная триада в целом и каждый из её компонентов играют исключительно важную роль в структурной организации языка и его функционировании. Особая значимость каждого из её звеньев проявляется в следующем:

а) мотивированность с её уникальным свойством служит связующим звеном трёх ипостасей: самосознания пользователя словом в двуединстве его звучания и значения;

б) внутренняя форма слова материализует эти три ипостаси;

в) мотивационно связанные слова реализуют системно-образующую функцию языка, обеспечивают целостность его словесного каркаса.

Несмотря на развитость, многокомпонентность каждого из звеньев мотивационной триады, она составляет единое целое, сохраняя возможность саморазвития.

Литература

1. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. 3-е изд., испр. и доп. М.: КРАСАНД, 2010. 304 с.
2. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья / ред. О.И. Блинова. Томск, 2007. Т. 1–3. 160 с.
3. Мотивационный словарь сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко; ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 2. 309 с.
4. Блинова О.И., Юрина Е.А. Словарь образных слов русского языка. Томск: UFO-Plus, 2007. 364 с.
5. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Учпедгиз, 1958.
6. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
7. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993.
8. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947.
9. Блинова О.И. Явление мотивированности слов в собственном лексикологическом аспекте // Вопр. сиб. диалектологии. Омск, 1975. Вып. 2. С. 3–17.
10. Блинова О.И. Ключевые термины мотивологии: Испытание временем (1971–2011 гг.) // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманит. науки (Филология). 2012. Вып. 10 (125). С. 136–140.
11. Блинова О.И. Внутренняя форма слова как термин-понятие и его статус // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в.: По материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию томской школы русистики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 322 с.
12. Бельская Е.В. Роль внутренней формы слова в выражении семантики интенсивных лексических единиц (на материале «Полного словаря сибирского говора») // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: межвуз. сб. ст. Томск, 1998. С. 125–132.
13. Блинова О.И. Внутренняя форма слова и фигуры речи // Теоретические и природные аспекты филологии: сб. науч. тр., посвящ. 10-летию каф. рус. яз и лит. Томск, 2003. С. 13–17.
14. Гранкина А.Н. Дифференцирующая и регулирующая функция внутренней формы слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 22 с.
15. Блинова О.И. Типологизирующая функция внутренней формы слова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманит. науки (Филология). 2007. Вып. 2 (65). С. 30–33.
16. Блинова О.И. Квазиремотивация как приём речевой игры // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: сб. науч. тр. Новосибирск, 2007. С. 170–177.
17. Козлова И.Е. Познавательная функция внутренней формы слова (на материале русского и французского языков) // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности: Язык в социально-культурном пространстве. Томск, 1996. Ч. 2. С. 45–49.